

Мельник Александр Гаврилович

**Культы русских святых в конце XIV—XVI веке:
социальные аспекты и практики почитания**

Специальность 5.6.1. — Отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Москва
2023

Работа выполнена в Отделе специальных исторических дисциплин Института всеобщей истории Российской академии наук

Научный консультант Каштанов Сергей Михайлович, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук

Официальные оппоненты:

Сиренов Алексей Владимирович,

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, директор Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук

Алексеев Алексей Иванович,

доктор исторических наук, заведующий Отделом рукописей Российской национальной библиотеки

Рождественская Татьяна Всеволодовна,

доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета

Ведущая организация: Институт русской литературы (Пушкинский Дом)

Защита состоится « _____ » « _____ » года в _____ часов на заседании совета 24.1.042.01 по защите докторских и кандидатских диссертаций при Институте всеобщей истории Российской академии наук по адресу: 119344, Москва, Ленинский просп., д. 32А, (ауд. 1406)

С диссертацией можно ознакомиться в научном кабинете Института всеобщей истории РАН и на сайте Института всеобщей истории РАН <http://igf.ru>.

Автореферат разослан « _____ » _____ г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук

О.И. Тогоева

Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования

Почитание святых представляло собой одно из самых значимых явлений в истории Древней Руси и в том числе в рассматриваемый период конца XIV–XVI в. Среди всех этих угодников Божиих особое место принадлежало «своим», то есть русским святым. В то время гробница святого нередко становилась средоточием не только религиозной, но и общественной жизни. Тогда сформировались многочисленные и разнообразные практики почитания святых. Таким образом, культы святых занимали одно из самых высоких мест в иерархии ценностей людей данной эпохи. Актуальность избранной темы определяется тремя следующими факторами. Во-первых, социальная роль культов русских святых и практики почитания последних в конце XIV–XVI в. никогда ранее не становились предметом специального изучения. Во-вторых, высокая значимость культов святых для людей той эпохи актуализирует рассмотрение этого явления в наше время. В-третьих, в России по окончании советского периода почитание святых вновь вышло на авансцену религиозной и социальной жизни, что требует углубленного исследования подобного явления прошлых времен.

В настоящей работе предпринята попытка рассмотрения следующих пяти вопросов:

1. Подъем почитания русских святых в конце XIV–XV в.
 2. Московские государи и культы русских святых в XV–XVI вв.
 3. История распространения культов самых популярных русских святых в XV–XVI вв.
 4. Монастыри как центры почитания русских святых в XV–XVI вв.
 5. Практики почитания «своих» святых в монастырях XV–XVI вв.
- Рассмотрению каждого из этих вопросов посвящена особая глава.

Степень разработанности темы

Некоторый интерес к русским святым как особой общности, отличной от сонма других православных святых, обозначился в XVIII в. Об этом свидетельствует опубликованный в 1784 г. словарь русских святых С. П. Соковнина¹.

В 1805 г. вышла в свет «Краткая церковная российская история» митрополита Платона (Левшина). В ней упомянуты некоторые русские святые и отмечены отдельные многочисленные богомольные походы по монастырям государя Ивана IV². Таким образом, на одну из важных черт почитания святых московскими правителями было обращено внимание уже на начальном этапе изучения истории Русской церкви.

¹ Соковнин С. П. Опыт исторического словаря всех в истинной православной греко-российской вере святою непорочною жизнью прославившихся святых мужак. М., 1784.

² Платон (Левшин). Краткая церковная российская история. М., 1805. Т. 1. С. 147, 148, 157, 236, 266, 287, 316, 317, 333, 365, 380, 381, 382, 386, 387; Платон (Левшин). Краткая церковная российская история. М., 1805. Т. 2. С. 6, 7, 11, 26, 27, 29, 47.

Об этих богомольях кратко упомянул Н. М. Карамзин³.

В последующем тема почитания русских святых затрагивалась всеми историками Русской церкви: Амвросием (Орнатским)⁴, Иннокентием (Смирновым)⁵, Евгением (Болховитиновым)⁶, А. Н. Муравьевым⁷, Филаретом (Гумилевским)⁸, М. В. Толстым⁹, Макарием (Булгаковым)¹⁰. Обычно они в своих работах не критически использовали жития русских святых, обсуждали в общих чертах вопрос о канонизации этих последних и в том числе «канонизационные» соборы 1547 и 1549 гг., организованные митрополитом Макарием. Амвросий (Орнатский) утверждал, что все московские государи, начиная с Дмитрия Донского, каждый год посещали Троице-Сергиев монастырь, но никак это не обосновал.

Первым выделил тему богомольных походов московских правителей И. Е. Забелин, посвятив ей специальную работу (1847). Он вслед за Амвросием (Орнатским) полагал: ежегодные походы в Троице-Сергиев монастырь начались почти в одно время с его основанием в XIV в. и непрерывно продолжались до начала XVIII в.¹¹ Фактически же, как увидим ниже, не эпизодическими, а более или менее регулярными государевы богомолья сделались лишь в XVI–XVII вв.

С. М. Соловьев в своей «Истории России с древнейших времен» упомянул о некоторых богомольях по святым местам большинства московских государей XVI в.¹² Но, как и Карамзин, не придавал этим богомольям особого значения.

Работы упомянутых выше историков Церкви обнажили две проблемы, требовавшие решения в русской исторической науке. Во-первых, необходимо было установить степень достоверности житий святых как исторического источника. Во-вторых, следовало доказательно установить время прославления

³ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1819. Т. 8. С. 43, 81, 94, 98, 190, 199, 285; Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1834. Т. 10. С. 16.

⁴ Амвросий (Орнатский). История российской иерархии. М., 1807. Ч. 1. С. 275–315; Амвросий (Орнатский). История российской иерархии. М., 1810. Ч. 2. С. 92–93.

⁵ Иннокентий (Смирнов). Начертание церковной истории от библейских времен до XVIII века, в пользу духовного юношества. СПб., 1817 г. Отд. 2. С. 72, 89–91, 105–108, 164, 239, 248, 397, 412, 472–473, 474.

⁶ Евгений (Болховитинов). Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской церкви. 2-е изд. СПб., 1827. Т. 1. С. 74, 88, 143, 166, 172, 210, 322; Евгений (Болховитинов). Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской церкви. 2-е изд. СПб., 1827. Т. 2. С. 15–16, 22–23, 42, 93, 154–155, 168, 219.

⁷ Муравьев А. Н. История Российской церкви. 2-е изд. СПб., 1840. С. 27, 38, 82, 133, 139–140, 144, 183.

⁸ Филарет (Гумилевский). История Русской церкви в пяти периодах. М., 2001. С. 101–107, 247–249, 433–436, 794–795.

⁹ Толстой М. В. Рассказы из истории Русской церкви. В 5-ти кн. 7-е изд. М., 1901.

¹⁰ Макарий (Булгаков). История Русской Церкви. М., 1995. Кн. 2. С. 20–22; Макарий (Булгаков). История Русской Церкви. М., 1995. Кн. 3. С. 40–41; Макарий (Булгаков). История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 4, ч. 1. С. 123; Макарий (Булгаков). История Русской Церкви. М., 1996. Кн. 4, ч. 2. С. 25–37.

¹¹ Забелин Ив. Троицкие походы русских царей. М., 1847. С. 4–5.

¹² Соловьев С. М. История России с древнейших времен. 2-е изд. СПб., 1896. Кн. 1. Стб. 1655, 1665; Соловьев С. М. Сочинения. В 18 кн. История России с древнейших времен. М., 1989. Кн. 3. С. 277, 287–288.

ния святых (канонизации).

Ответом на первую проблему стала монография В. О. Ключевского «Древнерусские жития святых как исторический источник» (1871). Ученый в целом отрицательно оценил жития святых как такой источник. Но в самом конце основной части своего труда он писал: «из всех частей жития описание посмертных чудес святого наиболее надежно по своим источникам...»¹³.

Данная книга Ключевского оказала большое влияние на Е. Е. Голубинского и ряд последующих историков. Поэтому Голубинский в своей «Истории Русской церкви» использовал жития весьма ограниченно¹⁴.

Взгляды Ключевского на вопрос об исторической достоверности житий святых поддержал и развил И. А. Яхонтов (1881)¹⁵.

Упомянутая книга Ключевского предвосхитила появление исследования Н. П. Барсукова «Источники русской агиографии» (1882), в котором были собраны данные о списках житий и служб русским святым, хранившихся в различных библиотеках и архивах¹⁶.

Первым, кто целенаправленно обратился к проблеме канонизации русских святых, был В. П. Васильев. В своем труде 1893 г. он рассмотрел формы канонизации в Греческой и Русской церквях, проследил историю канонизации русских святых в XI–XVII вв. и частично — в последующее время¹⁷. В итоге автор писал: «Кидая общий взгляд на совершение в Русской церкви канонизации святых в рассмотренные нами периоды, — нетрудно заметить все главные и существенные видоизменения и осложнения, которыми она подвергалась за это время. Та неопределенность, невыработанность форм и правил канонизации, местный характер почитания святых, которые характеризуют совершение ее в первый период, с течением времени мало-помалу уничтожаются, и канонизация наших святых принимает характер более определенный и всеобщий»¹⁸.

Через год после выхода в свет данной работы монографию на ту же тему опубликовал Е. Е. Голубинский. Вопреки Васильеву Голубинский утверждал: «Причтение к лику святых с древнего и до последнего времени было у нас одним и тем же, так что в его истории и нет периодов, которые бы условливались его внутренним содержанием»¹⁹. Но необходимых доказательств этим решительным утверждениям Голубинский не представил.

И. А. Ковалевский первым посвятил юродивым специальную монографию (1895). Он показал в ней юродство как особое явление христианского подвижничества; описал в общих чертах истоки юродства, которые он возвел к ранней истории христианского Востока, пересказал жития наиболее известных восточных юродивых; охарактеризовал русское юродство и предложил пересказы

¹³ Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 438.

¹⁴ Голубинский Е. Е. История Русской церкви. М., 1901. Т. 1, 1-я пол. С. XIII.

¹⁵ Яхонтов Ив. Жития св. севернорусских подвижников Поморского края, как исторический источник. Казань, 1881. С. 20, 21, 38, 39, 86, 88.

¹⁶ Барсуков Н. Источники русской агиографии. СПб., 1882.

¹⁷ Васильев В. История канонизации русских святых. М., 1893. С. 21–249.

¹⁸ Там же. С. 244.

¹⁹ Голубинский Е. История канонизации святых в Русской церкви. Сергиев Посад, 1894. С. 26.

житий большинства русских юродивых²⁰.

Вопреки В. О. Ключевскому его младший современник Арс. Кадлубовский в 1902 г. показал: жития святых не только в описаниях посмертных чудес, а и в основной — агиографической части представляют собой ценный исторический источник по культурной истории Древней Руси, в частности, для характеристики идей, образа мыслей, воззрений представителей определенной среды, основных течений мысли и нравственно-религиозного мировоззрения той эпохи²¹. Не следует при этом думать, будто Кадлубовский предлагал вернуться к некритическому использованию житий святых в научных исследованиях.

В 1903 г. Е. Е. Голубинский опубликовал второе издание «Истории канонизации святых...»²². Основные идейные установки и общие выводы первого издания в данной книге автор сохранил, но пересмотрел датировки канонизаций некоторых святых. В рецензии на эту работу Н. С. Суворов показал необоснованность многих взглядов Голубинского на проблему канонизации святых. И сформулировал одну из важнейших причин появления этих взглядов: «склонность автора делать заключения от позднейшего времени к древнейшему»²³. Из сказанного следует вывод: нельзя принимать на веру мнения Голубинского о времени канонизации русских святых. Опыт показал: в одних случаях он был близок к истине, а в других — совершенно не прав. Поэтому суждения Голубинского о времени канонизации всех святых требуют специальной проверки.

Второй том фундаментального исследования Н. К. Никольского о Кирилло-Белозерском монастыре написан в начале XX в., но опубликован в 2006 г. В этом томе автор уделил внимание истории почитания русских святых в указанной обители. Он представил список святых, памяти которых стали праздновать в Кирилло-Белозерском монастыре в середине XVI в., описал особенности богослужебных обрядов в праздники отдельных святых²⁴. Следовательно, Никольский еще более ста лет назад подошел к пониманию необходимости изучения почитания святых в интересовавшей его обители. В этом он был первопроходцем, но труд его на долгие годы остался не востребованным.

В начале XX в. на авансцену российской науки выступил историк западноевропейского средневековья Л. П. Карсавин. Его новаторские исследования хоть и не касались истории России, имеют отношение к избранной нами

²⁰ *Ковалевский И.* Юродство о Христе и Христа ради юродивые Восточной и Русской церкви. 3-е изд. М., 1902.

²¹ *Кадлубовский Арс.* Очерки по истории древнерусской литературы житий святых. Варшава, 1902. С. 161, 163, 164–165, 327–339.

²² *Голубинский Е.* История канонизации святых в Русской церкви. 2-е изд. М., 1903 (*Голубинский, 1903*).

²³ *Суворов Н. Голубинский Е.* История канонизации святых в русской церкви. Москва. 1903 // Журнал Министерства народного просвещения. 1903. Июль. С. 289.

²⁴ Из рукописного наследия: Н. К. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII в. (1397–1625). Том. 2. Управление. Общинная и келейная жизнь. Богослужение / Подгот. изд. З. В. Дмитриева, Е. В. Крушельницкая, Т. И. Шаблова. СПб., 2006. С. 236–262.

теме. Он в своей книге «Основы средневековой религиозности в XII–XIII веках преимущественно в Италии» (1915) показал: святые имели определенные задачи и функции. От них ожидали помощи, чудесных исцелений, побед над врагами, покровительства. Святые воспринимались как помощники во всех случаях жизни, они обладали специализацией, святых считали патронами государств, городов и иных ассоциаций, люди почитали их могилы²⁵. Верно сказано: «Л. П. Карсавин, как и его французский современник М. Блок, был одним из тех ученых, которые содействовали новому подходу к изучению общества и новому пониманию задач исторической науки»²⁶. В этом же духе написана книга П. М. Биццлли «Элементы средневековой культуры» (1919)²⁷.

После революции 1917 г. темы истории религиозности и почитания святых в эпоху Древней Руси долгое время мало интересовали отечественных исследователей. Одной из немногих работ, затронувших эти проблемы, стала книга Н. М. Никольского «История русской церкви» (1930). В соответствии с духом времени она имела сугубо идеологизированный характер. Но по поводу почитания святых в эпоху Древней Руси автор высказал близкую к Карсавину мысль: святые того времени имели некие функции. В частности, святые считались небесными патронами городов, монастырей, отдельных регионов, к местному святому обращались за помощью во время войны²⁸.

Эмигрировавшие из советской России историки продолжили за границей рассматривать историю Русской церкви и русских святых. К таким авторам относятся Г. П. Федотов²⁹, Ф. Г. Спасский³⁰, А. В. Карташев³¹, Н. В. Тальберг³², Иоанн (Кологривов)³³. Но все они кроме Федотова следовали традиции дореволюционной историографии и близко не подошли к вопросам, сформулированным Карсавиным.

Иное дело — поздние труды Г. П. Федотова, который первым поставил задачу изучения русской религиозности. Первая часть его исследования, посвященная X–XIII вв., появилась в 1946 г., вторая (XIII–XV вв.) в незаконченном виде — уже после смерти историка, в 1965 г. В первой части кратко охарактеризованы обычаи почитания святых: их призывали на помощь во время войны и считали покровителями городов³⁴. Во второй части указанного сочинения, очевидно, из-за его незавершенности, до подробного рассмотрения культов

²⁵ Карсавин Л. П. Основы средневековой религиозности в XII–XIII веках преимущественно в Италии. Пг., 1915. С. 81–88.

²⁶ Ястребицкая А. Л. Повседневность и материальная культура средневековья в отечественной медиевистике // Одиссей. Человек в истории. 1991. М., 1991. С. 88.

²⁷ Биццлли П. М. Элементы средневековой культуры. М., 1995.

²⁸ Никольский Н. М. История русской церкви. 3-е изд. М., 1983. С. 52–57.

²⁹ Федотов Г. П. Святые Древней Руси. М., 1990.

³⁰ Спасский Ф. Г. Русское литургическое творчество (по современным минеям). Париж, 1951. С. 6.

³¹ Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. М., 1993. Т. 1. С. 31.

³² Тальберг Н. История Русской церкви. М., 1997. С. 3.

³³ Иоанн (Кологривов). Очерки по истории русской святости. Брюссель, 1961.

³⁴ Федотов Г. П. Собрание сочинений в 12 т. Русская религиозность. Часть I. Христианство Киевской Руси. X–XIII вв. / Примеч. С. С. Бычков. М., 2015. С. 265–266.

святых дело не дошло³⁵. Вместе с тем уже сама постановка задачи изучения русской религиозности является значительной заслугой Федотова перед исторической наукой.

В 1960-е гг. в СССР постепенно возрождается интерес к истории почитания русских святых. Походы по монастырям царя Ивана IV привлекли внимание И. И. Полосина. Он отверг религиозное значение таких походов государя³⁶, что противоречит не только предшествовавшим авторам, а и прямым свидетельствам источников.

Крайне критический взгляд на феномен юродства выразил И. У. Будовниц в статье «Юродивые Древней Руси». По его мнению, юродивые были просто сумасшедшими (1964)³⁷. Более взвешенно о том же феномене писал в 1984 г. А. М. Панченко³⁸. Ряд богомольных поездок великого князя Василия III отметил А. А. Зимин в работах 1970-х гг.³⁹

Откровенно идеологически заостренной была книга А. С. Хорошева «Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.)» (1986)⁴⁰. Отрицательную оценку ей дали В. А. Кучкин и Б. Н. Флоря, указав на многочисленные неточности и искажения фактов, а также на методологические просчеты автора⁴¹.

В 1990-е гг. интерес к некоторым аспектам истории почитания русских святых проявили американские исследователи П. Бушкович, Н. Ш. Коллманн, Г. Ленхофф. П. Бушкович в своей монографии «Религия и общество в России. XVI и XVII столетия» (1992) большое место уделил истории канонизации русских святых. По мнению автора, в XVI в. произошло резкое увеличение популярности культов чудесных исцелений от мощей святых⁴². Однако, по нашим наблюдениям, значительное увеличение числа подобных исцелений наблюдалось уже в XV в.

В 1994 г. Н. Ш. Коллманн опубликовала статью «Паломничество, процессия и символическое пространство в российской политике XVI века», посвященную богомольям московских государей. Коллманн утверждает: религиозное значение паломничеств царя Ивана IV с начала 1550-х и в течение 1560-х

³⁵ *Федотов Г. П.* Собрание сочинений в 12 т. Русская религиозность. Часть II. Христианство Киевской Руси. Средние века. XIII–XV вв. / Примеч. С. С. Бычков. М., 2004.

³⁶ *Полосин И. И.* Монастырские «обезьды» Ивана IV (Из истории военной политики России) // *Полосин И. И.* Социально-политическая история России XVI – начала XVII в. М., 1963. С. 113.

³⁷ *Будовниц И. У.* Юродивые Древней Руси // Вопросы истории религии и атеизма. М., 1964. Т. 12. С. 170–195.

³⁸ *Панченко А. М.* Смех как зрелище // *Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В.* Смех Древней Руси. Л., 1984. С. 72–153.

³⁹ *Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 295, 307; *Зимин А. А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI в.). М., 1977. С. 124–125.

⁴⁰ *Хорошев А. С.* Политическая история русской канонизации (XI–XVI вв.). М., 1986.

⁴¹ *Кучкин В. А., Флоря Б. Н.* О профессиональном уровне книг по истории русской церкви // Вопросы истории. М., 1988. № 11. С. 151.

⁴² *Bushkovitch P.* Religion and Society in Russia. The Sixteenth and Seventeenth Centuries. Oxford, N.-Y. Oxford University Press. 1992.

гг., по-видимому, было подчинено более откровенным политическим целям⁴³. Думается, столь явная политизация паломничеств и преуменьшение их религиозного значения не соответствует исторической ситуации того времени.

Против стремления некоторых историков видеть чуть ли не в каждом случае канонизации русского святого политическую подоплеку выступила Г. Ленхофф. Она полагает: «в средние века канонизация могла не иметь политической подоплеку и проводиться согласно требованиям протокола православной церкви»⁴⁴.

Большую роль в деле знакомства российских ученых с новейшими методами западной исторической науки и в том числе в исследованиях культов святых сыграло и играет издание «Одиссей. Человек в истории».

С 1990-х гг. и по настоящее время наблюдается рост интереса отечественных ученых к изучению различных аспектов истории святых и святости. Таковы работы А. И. Клибанова⁴⁵, С. А. Иванова⁴⁶, В. Н. Топорова⁴⁷, А. Л. Юрганова⁴⁸. К этой группе исследований примыкают сборники статей «Проблема святых и святости в истории России» (2006)⁴⁹ и «Европа святых. Социальные, политические и культурные аспекты святости в Средние века» (2018)⁵⁰. Но ни в одной из данных монографий и статей не были поставлены вопросы, решению которых посвящено наше исследование.

В 2003 г. по поводу церковных соборов 1547 и 1549 гг. высказался А. Е. Мусин. По его мнению, эти соборы не занимались канонизацией святых, поскольку святость последних была признана раньше. Мусин рассматривает характер деяний данных соборов «как литургическую реформу, суть которой в упорядочении древнерусского богослужения, устройении уставной соборной службы в честь «новых чудотворцев» и введении в церковный обиход новых литургических и агиографических произведений»⁵¹.

Книга М. Ю. Парамоновой «Святые правители Латинской Европы и Древней Руси: сравнительно-исторический анализ вацлавского и борисоглебского

⁴³ *Kollmann N. S. Pilgrimage, Procession and Symbolic Space in Sixteenth-Century Russian Politics // Medieval Russian Culture. Berkeley, 1994. Vol. 2. P. 174.*

⁴⁴ *Ленхофф Г. Канонизация и княжеская власть в Северо-Восточной Руси: культ Леонтия Ростовского // Ярославская старина. Ярославль, 1996. Вып. 3. С. 20.*

⁴⁵ *Клибанов А. И. Духовная культура средневековой Руси. М., 1994. С. 46–108.*

⁴⁶ *Иванов С. А. Византийское юродство. М., 1994. С. 137–156; Иванов С. А. Блаженные похабы: Культурная история юродства. М., 2005.*

⁴⁷ *Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Первый век христианства на Руси. М., 1995. Т. 1; Топоров В. Н. Святость и святые в русской духовной культуре. Три века христианства на Руси (XII–XIV вв.). М., 1998. Т. 2.*

⁴⁸ *Юрганов А. Л. Нелепое ничто, или над чем смеялись святые Древней Руси // Каравашкин А. В., Юрганов А. Л. Опыт исторической феноменологии. Трудный путь к очевидности. М., 2003. С. 211–290; Юрганов А. Л. Убить беса: Путь от Средневековья к Новому времени. М., 2006.*

⁴⁹ *Проблема святых и святости в истории России. М., 2006.*

⁵⁰ *Европа святых. Социальные, политические и культурные аспекты святости в Средние века. СПб., 2018.*

⁵¹ *Мусин А. Е. Соборы св. митрополита Макария 1547–1549 гг. Факт истории или факт историографии? // Сообщения Ростовского музея. Россия и проблемы европейской истории: средневековье, новое и новейшее время. Сборник статей в честь члена-корреспондента Российской академии наук Сергея Михайловича Каштанова. Ростов, 2003. Вып. 13. С. 80.*

культов» (2003) по примененному в ней научному инструментарию в отношении изучения культов святых стала новым словом в отечественной историографии. Автор обобщила обширный опыт западноевропейской науки относительно изучения почитания святых, который «остается по существу за пределами традиции изучения древнерусской агиографии и культовой практики»⁵². Парамонова рассматривает характер святости интересующих ее подвижников благочестия, процесс становления их культов, социальные силы, способствовавшие продвижению культов, социальные функции культов, затрагивает некоторые практики почитания упомянутых святых, определяет масштабы ассоциированного со святыми сообщества, политические аспекты почитания святых, осуществляет сравнительный анализ культа Вацлава Чешского и культа Бориса и Глеба⁵³.

Исследование Ю. Е. Арнаутовой «Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века» (2004) не касается истории России, но оно очень важно в методическом плане для раскрытия темы культов святых в Древней Руси. В частности, в книге убедительно охарактеризованы культ реликвий, паломничества к гробницам святых, чудесные исцеления в культе святых, обряды, связанные с почитанием святых⁵⁴. Исследовательские подходы М. Ю. Парамоновой и Ю. Е. Арнаутовой близки автору настоящей работы.

Тему богомолий московских государей в Троице-Сергиев монастырь вновь поднял в 2009 г. Н. С. Борисов, который пришел к выводу, что традиция таких походов «восходит не ранее чем к Ивану Грозному»⁵⁵. Данный вывод обусловлен далеко не полным набором источников, использованных автором. На самом же деле, как увидим в основной части нашей работы, привлечение дополнительных документов показало: данную традицию утвердил великий князь Василий III, а Иван IV лишь верно ей следовал.

Более широко, чем Борисов, рассмотрела тему государевых богомолий И. Б. Михайлова. Ею были собраны данные о богомолях московских государей Василия III, Ивана IV, Федора Ивановича и Бориса Годунова. Но эти данные оказались далеко не полными из-за ограниченности использованной ею источниковой базы. Отсюда возник ряд ошибочных суждений автора. Например, она решила, что Иван Грозный перестал ездить в Троице-Сергиев монастырь после 1573 г.⁵⁶ Однако достаточно было расширить упомянутую базу, и стало ясно: Иван IV продолжал посещать эту обитель почти до самой смерти.

Все исследователи, писавшие в конце XX и в начале XXI в. обобщающие труды о московских государях XVI в., упоминали о их богомолях по святым

⁵² *Парамонова М. Ю.* Святые правители Латинской Европы и Древней Руси: сравнительно-исторический анализ вацлавского и борисоглебского культов. М., 2003. С. 11.

⁵³ Там же. С. 23, 51, 90, 135, 272, 277.

⁵⁴ *Арнаутова Ю. Е.* Колдуны и святые: Антропология болезни в средние века. СПб., 2004. С. 321–370.

⁵⁵ *Борисов Н. С.* Некоторые истоки религиозно-политических взглядов Ивана Грозного // Особенности российского исторического процесса. Сборник статей памяти академика Л. В. Милова. М., 2009. С. 161.

⁵⁶ *Михайлова И. Б.* И здесь сошлись все царства...: Очерки по истории государева двора в России XVI в.: повседневная и праздничная культура, семантика и обрядности. СПб., 2010. С. 347.

местам⁵⁷. Но не раскрывали эту тему с должной полнотой.

Хотя явление подъема почитания русских святых, которому посвящена первая глава, специально не рассматривалось, но в том, что в XVI в. наблюдался такой подъем, как мы видели, никто из историков не сомневается. Однако остается неясным, начался ли данный подъем в XVI в., или он стал продолжением подъема, обозначившегося в более раннее время?

В первой главе будет показано, что подъем почитания русских святых, начавшись в конце XIV в., продолжался на протяжении всего XV в. Этот подъем выражался, в основном, в активизации почитания старых, то есть ранее прославленных Церковью угодников Божиих, и в образовании культов многих новых подвижников благочестия. При рассмотрении данного процесса важно установить, в какой момент периода (конец XIV–XV в.) началось или активизировалось почитание определенного святого.

Этот вопрос не совпадает с вопросом о времени канонизации святых, но близок к нему. Как мы убедились, историки уделили значительное внимание установлению времени канонизации подвижников благочестия. Но данный вопрос в отношении многих святых остается нерешенным. В контексте нашей работы не так важно, когда официально подвижник благочестия был причислен к лику святых, важнее установить, когда действительно начал функционировать его культ, на что должны указывать надежные источники.

Ранее в литературе уже было установлено время начала почитания святых Арсения Тверского⁵⁸, Дионисия Глушицкого⁵⁹, Евфимия Новгородского⁶⁰, Иоанна Новгородского⁶¹, Ионы митрополита⁶², Кирилла Белозерского⁶³, Михаила Клопского⁶⁴, Никиты Переславского⁶⁵, Саввы Вишерского⁶⁶. Но эти данные не были обобщены.

⁵⁷ *Скрябинников Р. Г.* Борис Годунов. М., 1983. С. 137; *Баталов А. Л.* Моление о чадородии и обетное строительство царя Федора Иоанновича // Заказчик в истории русской архитектуры. Архив архитектуры. М. 1994. Вып. 5. С. 122, 127; *Флоря Б. Н.* Иван Грозный. М., 1999. С. 10–17; *Морозова Л. Е.* Два царя: Федор и Борис: Канун Смутного времени. М., 2006. С. 169–170, 265–266, 300; *Ульяновский В.* Смутное время. М., 2006. С. 20–25; *Володихин Д.* Царь Федор Иванович. М., 2011. С. 106–123.

⁵⁸ *Ключевский В. О.* Древнерусских жития святых... С. 181–183; *Дмитриева Р. П.* Феодосий (XV в.) // Словарь книжников и книжности Древней Руси (СККДР). Л., 1989. Вып. 2, ч. 2. С. 460–462.

⁵⁹ *Ключевский В. О.* Древнерусских жития святых... С. 193–194; *Прохоров Г. М.* Иринарх Глушицкий // СККДР. Л., 1988. Вып. 2, ч. 1. С. 439.

⁶⁰ *Яблонский В.* Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908. С. 80–73, 169–171.

⁶¹ *Ключевский*, 1871. С. 127, 162; *Дмитриев Л. А.* Житийные повести русского... С. 165.

⁶² *Васильев В.* История канонизации русских... С. 113; *Яблонский В.* Пахомий Серб... С. 182–184.

⁶³ *Голубинский*, 1903. С. 279; *Яблонский В.* Пахомий Серб... С. 175–176; Преподобный Кирилл Белозерский / сост. Г. М. Прохоров. СПб., 2011. С. 204; *Карбасова Т. Б.* Допахомиевская служба Кириллу Белозерскому // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2014. Т. 63. С. 67–95.

⁶⁴ *Дмитриев Л. А.* Житийные повести русского... С. 187; *Дмитриев Л. А.* Житие Михаила Клопского // СККДР. Л., 1988. Вып. 2, ч. 1. С. 302–305.

⁶⁵ *Поньрко Н. В.* Житие Никиты Столпника Переяславского // СККДР. Л., 1988. Вып. 2, ч. 1. С. 309–310; *Федотова М. А.* Житие Никиты Столпника Переяславского (рукописная традиция жития) // Русская агиография. Исследования. Публикации. Полемика. СПб., 2005. С. 309–322.

⁶⁶ *Голубинский*, 1903. С. 78.

Вопрос о начале почитания святых Авраамия Ростовского, Алексея митрополита, Зосимы и Савватия Соловецких, Исаии Ростовского, Исидора Ростовского, Максима Московского, Моисея Новгородского, Никона Радонежского, Пафнутия Боровского, Петра, царевича ордынского, Сергия Радонежского, Феодора Ростовского, Феодора, Давида и Константина Ярославских потребовал специального рассмотрения и уточнения. Вновь рассматривается и вопрос о времени активизации почитания старых святых Антония Печерского, Варлаама Хутынского, Леонтия Ростовского, Михаила и Феодора Черниговских, Петра митрополита.

Мы видели, что из всех вопросов, поднятых во второй главе, только один ранее был актуален в науке. Речь идет о богомольных походах московских государей. К истории этих походов исследователи обращались с начала XIX в. и вплоть до наших дней. Однако никто из историков не рассмотрел данный вопрос детально и не составил достаточно полную хронику этих богомолий с опорой на максимально широкий круг источников. А без нее, как увидим ниже, невозможно было прийти к более или менее достоверным выводам о данном историческом явлении.

Итак, в литературе, прямо или косвенно касающейся истории культов святых, ни один из пяти вопросов, решению которых посвящена настоящая работа, специально не ставился. Лишь отдельные аспекты первого и второго вопросов привлекали внимание историков.

Завершая обзор литературы, важно сказать следующее. В 2004 г. автор этих строк защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук «История почитания ростовских святых в XII–XVII веках»⁶⁷. В диссертации было применено большинство известных в исторической науке подходов к изучению культов святых и в том числе анализ их социальных функций. Однако последующие наши размышления обозначили недостаточность этих подходов, поскольку при их применении значительная часть свидетельств источников остается невостребованной.

Чтобы продолжить изучение культов русских святых, необходимо было дополнить старые подходы какими-то новыми. Поиск таких подходов велся в сопредельных науках. Искомый новый исследовательский подход обнаружился в работах современных социологов. В частности, речь идет о книге В. В. Орлова и О. В. Хархордина «Теория практик» (2008)⁶⁸. В ней представлено и развито одно из новейших направлений социологии, специально исследующее практики повседневной жизни. «За термином «практики» стоит несколько направлений социальной мысли XX века, составивших прагматический поворот в науках об обществе»⁶⁹. Авторы пишут, что «практики — это все, что мы делаем. И последовательный, можно сказать, радикальный эмпиризм этнометодологии состоит в как можно более детальном описании всей совокуп-

⁶⁷ Мельник А. Г. История почитания ростовских святых в XII–XVII веках. Автореф... дис. кан. истор. наук. Ярославль, 2004.

⁶⁸ Волков В. В., Хархордин О. В. Теория практик. СПб., 2008.

⁶⁹ Там же. С. 8.

ности действий, приемов, фраз, методов, разговоров, демонстрационных жестов и т.д., характерных для специфических институциональных контекстов: больниц, административных учреждений, научных лабораторий, судебных органов и любых других учреждений и сообществ»⁷⁰. Следовательно, согласно указанной теории, практики следует описывать максимально детально и дифференцированно. Конечно, и раньше ученые употребляли термин практики при изучении культов святых, но делали это непоследовательно и не применяли детальный анализ практик как один из основных инструментов познания истории Древней Руси.

Использование теории практик раскрывает то, что обычно воспринимается как некий фон, не замечается и не проблематизируется. Таким образом, теория практик вооружает исследователя особой и весьма эффективной оптикой. В избранной же теме теория практик помогла рассмотреть множество различных проявлений культов святых, на которые историки ранее не обращали внимание. В то же время подход с позиции теории практик позволил привлечь к анализу истории культов святых такие виды источников, которые никогда раньше не использовались в науке для рассмотрения данной темы.

Источники исследования

Почитание святых было настолько значимо для людей Руси конца XIV–XVI в., что проникало во многие сферы не только религиозной, а и общественной жизни, и в той или иной степени отразилось в большинстве видов источников того времени. Поэтому решить поставленные в работе задачи можно, лишь опираясь на комплексный анализ всех этих источников.

Среди них одними из основных являются жития святых. При использовании этих произведений будет учитываться опыт по их анализу В. О. Ключевского, Арс. Кадлубовского и последующих исследователей. Для нашей темы важно, что жития кроме всего прочего содержат сведения об истории формирования и социальной направленности культов русских подвижников благочестия, о практиках их почитания. К указанным произведениям по своему значению для раскрытия избранной темы примыкают житийные и некоторые древнерусские исторические повести.

Службы и другие церковные песнопения, посвященные святым, представляют собой самое непосредственное выражение их культов. Поэтому характеристика подвижника благочестия в текстах таких песнопений важна для выяснения некоторых существенных черт его культа. Из служб можно извлечь сведения о практиках почитания святых, социальной направленности их культов.

Памяти святых, содержащиеся в месяцесловах или святцах, псалтирях с воследованием, церковных уставах, свидетельствуют о существовании некоего почитания этих подвижников благочестия в период составления и бытования указанных источников.

Немало данных по рассматриваемым вопросам имеется в русских летопи-

⁷⁰ Там же. С. 15.

сях. Из них можно почерпнуть сведения о социальной значимости культов некоторых святых, о поклонении людей подвижникам благочестия, богомольных путешествиях к их гробницам, чудесных исцелениях у этих гробниц, строительстве храмов во имя святых и о других практиках почитания последних. При этом надо иметь в виду, что практики почитания святых влияли на летописание. В частности, те или иные сведения о святых позднего времени проникали в более ранние летописные своды, что порождало анахронизмы.

Самым надежным признаком глубокого и устойчивого почитания святого в тех или иных местах является сооружение и функционирование в них посвященных ему церквей. Значит, по количеству и широте распространения таких храмов можно судить о степени распространенности культа святого. Тот же признак проясняет вопрос: какие локальные сообщества были особо привержены к этому культу. Основная часть данных о таких храмах содержится в писцовых книгах конца XV–XVI в. К сожалению, далеко не все из них дошли до нашего времени.

Частично их нехватку по данному вопросу восполняют описи церквей и монастырей XVI в. В этих документах присутствуют описания убранства интерьеров церквей, и в том числе указания на иконы святых. Любая икона предполагает молитвенное обращение людей к изображенному на ней святому и, значит, свидетельствует о значительном развитии его культа в месте расположения этого образа. Суммировав данные максимального числа сохранившихся описей, можно установить, иконы каких святых чаще всего встречались в храмах России определенного времени. А это, в свою очередь, поможет определить степень распространенности культов представленных на иконах подвижников благочестия. Часто в таких описях перечисляются книги, сохранившие жития святых, службы им и месяцесловы с их памятями. Описи проливают достаточно яркий свет на то, как осуществлялась визуальная презентация культов святых. Те же документы свидетельствуют и о значимых для людей того времени вещах-реликвиях, связывавшихся с именами святых, и о практиках их почитания. Следует добавить, что в некоторых писцовых книгах указаны не только названия церквей, а и представлены описания их интерьеров. Поэтому все вышесказанное об описях в данном отношении соответствует и этим писцовым книгам. Описи помогают в поиске ответов на следующие вопросы. Каких святых выделяли из всего сонма угодников Божиих и особо почитали в определенных монастырях? Какова была иерархия этих святых в представлении соответствующего монастырского сообщества? Каковы были особые практики почитания тех же святых?

На эти же три вопроса обнаруживаются ответы в монастырских обиходниках, в которых обычно описываются «кормы», иначе говоря — пиршества, полагавшиеся в дни праздников избранных святых. Значит, эти последние в представлении насельников соответствующей обители стояли выше всех остальных подвижников благочестия, в праздники которых такие «кормы» не полагались. Данные «кормы» не были одинаковы, напротив, они отличались по количеству и качеству блюд и напитков. Надо полагать, чем более значим

был святой в глазах монахов, тем более богатый «корм» полагался в день его праздника. Следовательно, по разнице в богатстве «кормов» можно определить различия в степени почитания избранных святых или, иными словами, их иерархию в представлении монастырского сообщества.

В состав различных актов, и в том числе в государственные договоры, с середины XV в. было принято включать имена святых, наиболее чтимых в момент написания этих документов. Поэтому последние позволяют извлечь сведения о том, каким святым особо поклонялись в то или иное время высшие представители Московского государства. Акты также дополняют сведения упомянутых писцовых книг и описей о церквях, посвященных святым, и о заказчиках их строительства. Акты помогают определить социальную принадлежность почитателей определенных святых и, таким образом, установить степень признания культов этих подвижников благочестия в различных слоях русского общества.

Наличие в монастырских приходо-расходных книгах XVI в. сведений о почитании святых обусловлено тем, что оно в ряде своих проявлений имело вполне конкретное материальное и денежное выражение. Данные книги особенно ценны для раскрытия различных практик почитания святых, и в том числе — богомолий московских государей.

Сведения о подобных богомолиях содержатся также в разрядных книгах.

Некоторые практики почитания святых зафиксированы в монастырских вкладных и кормовых книгах. Из них же иногда можно узнать о не упомянутых в других источниках храмах, посвященных подвижникам благочестия.

О подобных храмах иногда сообщают надписи на книгах.

Весьма характерные приметы культов святых встречаются в сочинениях иностранцев о России.

Для полноценного раскрытия настоящей темы невозможно ограничиться только анализом письменных документов. Необходимо привлечение в качестве исторического источника разнообразных вещественных памятников, в которых выражалось почитание святых. Имеются в виду изображения подвижников благочестия на иконах, фресках, произведениях шитья, резьбы и т.п. Иконография святых порой дает такую информацию об их почитании, которую невозможно почерпнуть из сохранившихся письменных источников.

Как видим, комплекс используемых в работе источников широк и разнообразен. Это позволяет сделать вывод о наличии необходимых материалов для раскрытия темы диссертации. До того в российской исторической науке для изучения почитания святых никогда не использовался столь широкий круг источников.

Объект исследования. Документальные и вещественные памятники, которые отражают практики почитания русских святых: жития, службы святым, месяцесловы, летописи, писцовые книги, описи церквей и монастырей, монастырские приходо-расходные книги, монастырские обиходники, монастырские вкладные книги, различные акты, разрядные книги, сочинения иностранцев о России, памятники иконографии: иконы, фрески, произведения шитья

и резьбы.

Предмет исследования. Культы русских святых, рассмотренные с точки зрения их социальной роли, и практики почитания этих подвижников в конце XIV–XVI в.

Хронологические рамки настоящего исследования обусловлены самим исследуемым явлением. Нижняя хронологическая граница отмечает начало явного подъема в конце XIV в. почитания русских святых на Руси, продолжавшегося на протяжении XV–XVI вв. Верхняя хронологическая граница устанавливается в конце XVI в. перед наступлением эпохи Смуты начала XVII в.

Территориальные рамки исследования охватывают все русские земли, в которых функционировали культы рассматриваемых святых в конце XIV–XV в., и все Московское государство конца XV–XVI в.

Цели и задачи исследования. Целью диссертации является изучение социальной роли культов русских святых и практик почитания этих подвижников благочестия в указанный период. Для достижения данной цели необходимо решить следующие задачи:

- 1) определить время начала подъема почитания русских святых;
- 2) рассмотреть историю этого подъема в XV в. и определить его причины;
- 3) определить практики почитания русских святых московскими государями;
- 4) определить, какими способами эти государи влияли на распространение в России культов русских святых;
- 5) рассмотреть историю распространения культов самых популярных русских святых;
- 6) выяснить в каких социальных слоях были укоренены эти культы;
- 7) выяснить — представители каких социальных слоев были наиболее активными проводниками или популяризаторами тех же культов;
- 8) выяснить, каким был общий состав русских святых, в большей или меньшей степени почитавшихся в монастырях Руси;
- 9) выяснить, как этот состав эволюционировал в рассматриваемый период;
- 10) определить, какие святые пользовались в монастырях особым признанием;
- 11) выяснить, какова была иерархия этих избранных святых в представлении отдельных монастырских сообществ;
- 12) определить практики почитания «своих» святых в русских монастырях.

Научная новизна диссертации. Основные вопросы, решаемые в диссертации, впервые были поставлены в науке. Впервые детально рассмотрению подвергнуты практики почитания русских святых. Всем этим обусловлена новизна диссертации. Кроме того, новизна работы определена не только привлечением для анализа максимально широкого круга письменных источников (житий, служб, месяцесловов, летописей, повестей, различных актов, посланий, приходо-расходных книг, инвентарных описей, писцовых книг, разрядных книг, монастырских обиходников, сочинений иностранцев), но и использованием в качестве исторических источников произведений древнерусского

искусства.

Теоретическая и практическая значимость работы. В диссертации предложены новые подходы к изучению истории почитания святых. Эти подходы могут быть использованы при рассмотрении подобных феноменов как более ранних, так и более поздних периодов отечественной истории. Материалы и выводы диссертации могут быть применены в общих курсах по истории средневековой России и православной Церкви.

Методология и методы исследования. Методологической основой диссертации являются принципы историзма и объективности. В работе сочетаются подходы антропологически ориентированной и социальной истории. Кроме того, в работе применены следующие методы. Широко использовался сравнительно-исторический метод. Проблемно-хронологический метод помог рассмотреть историю почитания святых в ее последовательном развитии и выявить основные проблемные моменты этой истории. Историко-типологический метод позволил выработать типологию практик почитания святых. Посредством историко-генетического метода было установлено происхождение некоторых важных практик почитания святых. Иконографический метод позволил использовать различные сакральные изображения святых в качестве исторического источника по избранной теме. В работе последовательно использован комплексный подход, то есть для анализа рассматриваемых явлений применялся максимально широкий круг различных источников. Значительную роль играл и междисциплинарный подход. В частности, наряду с указанными выше методами исторической науки использовались методы других дисциплин — таких, как социология, литературоведение и искусствоведение.

Положения, выносимые на защиту:

1) На Руси в конце XIV — начале XV в. начался подъем почитания русских святых, продолжавшийся на протяжении XV–XVI вв.

2) Важный этап в истории почитания святых на Руси пришелся на середину XV в. С того времени культы святых стали играть существенную роль не только в сугубо религиозной, но и в общественной жизни. Значит, тогда произошли перемены в русском общественном сознании и сдвиг в русской религиозности.

3) Во второй половине XV в. значительно увеличилось число почитаемых русских святых, которые в конце того же столетия и в последующем стали восприниматься как особая общность, отличная от сонма общехристианских подвижников благочестия. Все это происходило под влиянием процесса образования единого Русского государства.

4) Люди конца XV–XVI в., и московские государи в том числе, полагались на поддержку на войне не отдельных святых, а больших групп угодников Божиих. В такие группы включались либо общехристианские и русские святые, либо одни — русские.

5) Великий князь Василий III первым из московских государей стал активным и последовательным приверженцем культов русских святых. При его

прямом участии был выработан ряд обычаев или практик их почитания представителями высшей государственной власти России. Цари Иван Грозный, Федор Иванович и Борис Годунов неуклонно следовали всем этим обычаям. Особенно значима для них была практика богомольных походов к гробницам подвижников благочестия.

6) При рассмотрении почитания русских святых как социального феномена выяснено, что в XVI в. одиннадцать из них были самыми популярными. Это Борис и Глеб, Сергей Радонежский, Петр митрополит, Алексей митрополит, Леонтий Ростовский, Варлаам Хутынский, Кирилл Белозерский, Зосима и Савватий Соловецкие, Димитрий Прилуцкий. Святые Александр Свирский, Феодор, Давид и Константин Ярославские обладали неким средним уровнем популярности. Все остальные русские подвижники благочестия обладали тогда гораздо меньшей популярностью.

7) В отличие от культа страстотерпцев Бориса и Глеба, ставшего популярным на Руси еще в XII–XIII вв., культы остальных упомянутых популярных святых получили широкое распространение только в условиях единого Русского государства конца XV–XVI в. Образование этой страны стало основной предпосылкой популярности таких культов.

8) Приверженцами культов всех перечисленных выше пятнадцати святых были московские государи и представители почти всех социальных слоев России XVI в. Значит, данные культы способствовали сплочению российского общества того времени.

9) За всеми популярными культурами, кроме культа Бориса и Глеба, стояли в экономическом отношении значительные церковные организации — монастыри или архиерейские дома. Каждая из них предпринимала усилия по распространению в России культов «своих» святых. Просматривается взаимосвязь между степенью популярности святого и экономической мощью стоявшей за его культом организации. Вероятно, существовала и обратная связь: рост популярности святого обуславливал увеличение богатства связанной с ним организации.

10) Кроме этих организаций основными проводниками или популяризаторами культов святых являлись московские государи, представители монашества, знати и горожан. Намного меньшее участие в этой деятельности принимало крестьянство.

11) Наибольшая популярность большинства святых наблюдалась в регионах, соседствовавших с центрами, в которых находились гробницы соответствующих подвижников. В этих регионах своих местных святых наряду с представителями других социальных слоев особо почитало и крестьянство.

12) В первой половине — середине XV в. в монастырях прослеживается почитание совсем небольшого числа русских святых — от пяти до восьми. К концу XV в., по крайней мере, в крупнейших монастырях количество таких святых несколько увеличилось, колеблясь от девяти до двадцати одного. В XVI в. наблюдалось явное увеличение числа почитаемых святых во многих монастырях, особенно в самых больших из них — от 51 до 66.

13) В конце XV–XVI в. в монастырях стремились почитать большинство прославленных русских святых. Но ни в одной обители не почитали всех таких подвижников.

14) В монастырях XVI в. из множества святых, почитавшихся формально, местное сообщество выделяло небольшую группу подвижников, которым поклонялось особо. При этом «свои» святые пользовались наивысшим почитанием.

15) Обычно в монастырях XVI в. в состав групп особо почитаемых святых входили те или иные самые популярные угодники Божии. Среди них часто фигурировал Сергей Радонежский и московские святые. В ряде монастырей кроме упомянутых самых популярных особо почитали святых ближайших религиозных центров.

16) Все практики почитания русских святых в монастырях по функциональной принадлежности объединяются в следующие десять групп. 1. Практики почитания гробниц святых. 2. Практики визуальной репрезентации культов святых. 3. Практики почитания святых как целителей больных. 4. Практики почитания вещей-реликвий, связывавшихся с именами святых. 5. Практики почитания святых как покровителей соответствующих монастырей. 6. Практики почитания святых как покровителей Русской церкви. 7. Практики почитания святых как покровителей московских государей, их воинства и Русского государства. 8. Практики богомольных путешествий к гробницам святых. 9. Практики строительства и последующего функционирования в монастырях церковей, посвященных «своим» святым. 10. Особые практики.

Степень достоверности и апробация результатов исследования

Основные положения настоящего исследования представлены в 94 опубликованных работах, из которых 20 — в изданиях, рекомендованных ВАК, и в выступлениях на многочисленных международных, всероссийских и региональных научных конференциях в Москве, Санкт-Петербурге, Сергиевом Посаде, Можайске, Ярославле, Рыбинске, Ростове, Музее-усадьбе Л.Н. Толстого «Ясная Поляна».

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка сокращений, списка источников и литературы.

Основное содержание работы. Во введении обосновывается актуальность избранной темы, анализируется относящаяся к данной теме историография, характеризуются использованные источники, определяются хронологические рамки, цели и задачи, научная новизна и практическая значимость диссертации, используемые методы исследования.

Глава 1. Подъем почитания русских святых в конце XIV–XV в.

С началом ордынского ига и почти до конца XIV в. на Руси по сравнению с предшествовавшим временем наблюдался спад почитания русских святых. Подъем их почитания начался в конце XIV — начале XV в. и продолжался на протяжении XV–XVI вв. Отмечено, что во второй половине XIV в. на Руси наблюдался религиозный подъем⁷¹. Особенно же явно он обозначился на рубеже

⁷¹ *Топоров В. Н.* Святость и святые в русской... Т. 2. С. 575–576.

XIV–XV вв. Именно тогда и начался подъем почитания русских святых.

Признаки этого подъема следующие. Немногочисленные свидетельства об официальных прославлениях святых, то есть, выражаясь в духе нового времени, их канонизации. При обычном отсутствии таких прямых свидетельств на начало почитания определенного святого указывает время появления посвященных ему жития, текстов церковных песнопений и памятей в месяцесловах. О том же говорят данные о почитании могил святых. На подъем почитания давно прославленных угодников Божиих указывает возникновение посвященных им новых житий и служб при наличии таковых более ранних. О том же подъеме говорят свидетельства о строительстве храмов во имя святых и более или менее надежно датированные рассказы о чудесных исцелениях у их гробниц.

Данные признаки свидетельствуют, что на протяжении конца XIV–XV в. оформились или начали оформляться культы 32 русских святых. Это почти в три раза больше числа тех подвижников благочестия, которые почитались за пределами их мест захоронения в предыдущие почти четыре столетия. Кроме того, активизировались культы пяти почитавшихся ранее святых: Леонтия Ростовского, Петра митрополита, Варлаама Хутынского, Михаила и Феодора Черниговских.

Все интересующие нас новые святые или, как их тогда называли, новые чудотворцы отчетливо делятся на две неравные группы. В первую, меньшую группу входят святые, почитание которых обозначилось в конце XIV – первой половине XV в. Это Алексей митрополит, Антоний Печерский, Димитрий Прилуцкий, Иоанн Новгородский, Кирилл Белозерский, Никон Радонежский, Сергей Радонежский, Стефан Пермский, вероятно – Никита Переславский. Но более или менее полное оформление их культов произошло во второй половине XV в.

Вторую, бóльшую группу составляют святые, культы которых зародились в различных местах Руси во второй половине XV столетия. Таковы Авраамий Ростовский, Александр Невский, Арсений Тверской, Дионисий Глушицкий, Евфимий Новгородский, Зосима и Савватий Соловецкие, Иона митрополит, Исаия Ростовский, Исидор Ростовский, Максим Московский, Михаил Клопский, Моисей Новгородский, Пафнутий Боровский, Петр и Феврония Муромские, Петр царевич, Питирим Пермский, Савва Вишерский, Феодор Ростовский, Феодор, Давид и Константин Ярославские. Таким образом, процесс формирования новых культов святых охватил в указанный период значительную часть Руси.

К концу XV в. святые различных религиозных центров Руси стали восприниматься как особая общность, отличная от сонма общехристианских подвижников благочестия. Об этом свидетельствуют появившиеся тогда сборники служб или житий и служб русским или иногда русским и южнославянским святым. Основная идея всех этих сборников заключалась в объединении прежде разрозненных сакральных текстов, посвященных святым, в единый цикл с целью упорядочивания почитания этих подвижников. Возникновение дан-

ной обобщающей тенденции совпало с завершающим этапом формирования единого Русского государства в конце XV — начале XVI в. Синхронность этих двух процессов косвенно свидетельствует, что политическое объединение вокруг Москвы русских земель обусловило возникновение указанной тенденции.

Значит, самые чуткие к запросам времени и широко мыслящие представители Церкви, наблюдая процесс собирания отдельных земель московским великим князем Иваном III, осознали необходимость подобного же объединения культов русских святых с целью утверждения их почитания в столице и по всей стране. Очевидно, это призвано было усилить идейное и духовное единство Русской митрополии.

В истории большинства рассматриваемых культов отчетливо просматриваются две тенденции. В русле одной из них культы стали формироваться сразу или вскоре после смерти соответствующих святых. Таковы культы Евфимия Новгородского, Зосимы и Савватия Соловецких, Ионы митрополита, Кирилла Белозерского, Никона Радонежского, Пафнутия Боровского, Саввы Вишерского, Сергия Радонежского, Стефана Пермского. В русле второй тенденции почитание подвижников началось через много времени, порой спустя сотни лет после их смерти. Это культы святых Авраамия Ростовского, Александра Невского, Алексея митрополита, Антония Печерского, Арсения Тверского, Дионисия Глушицкого, Исаии Ростовского, Михаила Клопского, Моисея Новгородского, Никиты Переславского, Петра и Февронии Муромских, Петра царевича, Феодора Ростовского, Феодора, Давида и Константина Ярославских.

Получается, что с конца XIV и до середины XV в. обозначились культы 9 новых святых, а между серединой и концом этого столетия возникли культы 23 новых святых — больше, чем за всю предшествовавшую русскую историю. Значит, в истории рассматриваемого подъема почитания святых явно выделяется хронологический рубеж, который пришелся на середину XV в. Выходит, на этом рубеже произошел какой-то существенный сдвиг в мировосприятии и религиозности русских людей. Что же его обусловило?

На Руси культы святых до середины XV в. крайне редко выдвигались на общественную арену. Ситуация резко изменилась в начале 1448 г. Тогда в условиях затяжной междоусобной войны представители государственной и церковной элиты Москвы осознали необходимость опираться в своей политике на авторитет культов наиболее значимых в этой среде святых. Иными словами, именно политический кризис Московского государства породил новое отношение к культам святых. В результате в середине — второй половине XV в. резко возросла роль последних в общественной жизни Руси. Теперь святые призваны были выступать в роли гарантов заключаемых соглашений, быть помощниками московских государей и высшей церковной власти в их политической борьбе, покровителями великих князей и русского воинства, защитниками Москвы и страны в целом. Гробницы святых становятся средоточиями не только религиозной, а и общественной жизни. При этом, конечно, надо

помнить об отсутствии в сознании людей того времени четкого обособления сакрального от мирского.

Вторая важнейшая причина усиления почитания русских святых в рассматриваемое время заключается в установлении автокефалии Русской церкви в 1448 г. В ситуации изоляции от Константинопольской патриархии церковная элита стала всячески повышать значимость сначала «своих» московских святых и подвижников политически дружественной Москве Ростовской епархии, а затем и других русских чудотворцев.

В ряде иных религиозных центров Руси явно учли эту новую тенденцию. Не случайно в структуру многих новых и старых культов была тогда встроена идея заступничества святых за московских государей и все Русское государство. Дело в том, что для отдельных русских земель присоединение к Москве стало важнейшим вызовом времени. И сообщества некоторых городов, монастырей и архиерейских домов ответили на этот вызов созданием культов святых, призванных быть их небесными покровителями и защитниками. Таковы культы святых Авраамия Ростовского, Арсения Тверского, Исаии Ростовского, Михаила Клопского, Петра царевича, Феодора, Давида и Константина Ярославских.

Важно, что все описанные выше традиции использования культов святых в общественной жизни, как увидим ниже, нашли продолжение и развитие в России XVI в.

Глава 2. Московские государи и культы русских святых в XV–XVI вв.

Данная глава посвящена практикам почитания русских святых московскими государями. Но надо сразу сказать, что эта тема исключительно многогранна. Поэтому в предлагаемой главе рассмотрены лишь наиболее явные и выразительные ее аспекты, остальные же из них в той или иной степени раскрываются как в предшествовавшей, так и во всех последующих главах работы.

В рассматриваемую эпоху люди во время военных действий полагались не только на себя и свое боевое искусство, а и на Бога, Богородицу и святых. В качестве небесных покровителей московских государей и русского воинства во время военных действий в конце XV–XVI в. признавались не только святые воины, но и другие наиболее значимые тогда общехристианские и русские святые, преимущественно те, которые считались покровителями этих государей. Тогда надеялись на помощь на войне не отдельных святых, а целых больших когорт угодников Божиих. В формировании групп небесных покровителей государей и их воинства с конца XV и до конца XVI в. существовали две постепенно развивавшиеся традиции. В русле одной из них в такие группы включались как общехристианские, так и русские святые, в русле второй — только русские.

Великий князь Василий III (1505–1533) придавал особое значение активному публичному почитанию русских святых. При непосредственном участии этого правителя были выработаны следующие практики их почитания представителями высшей государственной власти: практика регулярных бого-

мольных походов московских государей к гробницам святых, практика государственного покровительства строительству храмов во имя данных святых, практика жертвования покровов от лица московских государей гробницам святых, практика активного содействия государей утверждению и распространению почитания святых в России. Как видим, Василий III выступил в роли основоположника этих религиозных практик. При нем роль культов русских святых в религиозной и общественной жизни страны необыкновенно возросла. По существу, почитание этих подвижников было возведено в ранг государственной политики.

Традицию широкого строительства церквей во имя русских святых вслед за Василием III поддерживали и развивали все последующие государи XVI в.: Иван IV (1533–1584), Федор Иванович (1584–1598) и Борис Годунов (1598–1605), что демонстрировало обществу особую приверженность московских правителей к соответствующим культам и усиливало популярность последних. Эти государи стали главными проводниками в стране культов русских святых.

Одним из самых ярких выражений религиозности московских государей стали их богомольные походы по святым местам к гробницам святых. Василий III многократно посещал русские города и монастыри с целью молитвы у их святынь. Особенно часто он ездил в Троице-Сергиев монастырь к раке св. Сергия Радонежского.

Иван IV совершал богомольные походы по святым местам почти ежегодно с 1536 по 1583 г., то есть на протяжении всей сознательной жизни. Богомолья являлись важнейшей жизненной потребностью царя Ивана. Это и не удивительно, ведь его приучали к ним с пяти лет. В данном отношении он был верным последователем традиции богомолий, заложенной его отцом Василием III. Частыми и, значит, особенно важными для Ивана IV были богомолья, совершавшиеся перед военными действиями русских войск, во время этих действий и сразу после них. Вообще царь перед большинством своих крупных предприятий или по их завершении осуществлял богомолье. Намного чаще, чем куда бы то ни было, он приезжал молиться в Троице-Сергиев монастырь. Отношение Ивана Грозного к богомольям особенно отчетливо проявилось в период разделения государства на опричнину и земщину. Святые места, которые он тогда посещал, находились в той и другой частях страны. Значит, почитание святых и святынь в личной иерархии ценностей государя стояло выше его тогдашней политики. Для царя страна, разделенная им во время опричнины в политическом плане, оставалась единой в отношении святости.

Царь Федор Иванович ходил по святым местам почти каждый год. Следовательно, он придавал богомольям не меньшее значение, чем его отец Иван IV. За пределами Москвы государь чаще всего бывал в Троице-Сергиевом монастыре. В особой приверженности к этой обители и культу Сергия Радонежского он следовал своему отцу Ивану Грозному.

С момента воцарения в 1598 г. и до своей кончины в 1605 г. царь Борис Годунов ежегодно отправлялся на богомолье. Обычно он бывал в монастырях

два или несколько раз в год. Таким образом, Борис Годунов придавал ничуть не меньшее значение богомолям, чем его предшественники на московском троне Василий III, Иван Грозный, Федор Иванович. Как и они, царь Борис особо почитал Троице-Сергиев монастырь и св. Сергия Радонежского, бывая в этой обители каждый год. Борис Годунов посещал почти те же святые места и молился в них почти тем же святым, что и царь Федор Иванович. Значит, при этих государях утвердился состав святынь, ставших почти обязательными для поклонения.

Очевидно, в рассматриваемую эпоху считалось, что молитвы, обращенные к святым у мест их упокоения, более эффективны, чем на удалении от этих мест. У названных святынь государи молились о даровании им детей, победе над врагами, получении покровительства святых над собой и своими наследниками. Иными словами, государи, обращаясь к святым, стремились получить через них как посредников между людьми и Богом помощь в решении важнейших личных и государственных проблем.

Таким образом, путешествия московских правителей по святым местам имели не только личное, а и государственное значение. Очевидно, так они и воспринимались большинством современников. В почитании русских святых московские государи явно задавали тон. Их примеру, очевидно, в той или иной степени следовали многие представители знати и других социальных слоев России того времени.

Глава 3. История распространения культов самых популярных русских святых в XV–XVI вв.

В настоящей главе рассмотрена история распространения в России культов следующих святых: Бориса и Глеба, Сергия Радонежского, Петра митрополита, Алексея митрополита, Леонтия Ростовского, Варлаама Хутынского, Кирилла Белозерского, Зосимы и Савватия Соловецких, Димитрия Прилуцкого, Александра Свирского, Феодора, Давида и Константина Ярославских.

Из всех русских подвижников благочестия они были выделены по следующему важнейшему для избранной темы критерию — во имя их в рассматриваемый период было построено значительное число церквей. Ведь логично полагать, что чем больше в различных частях страны строилось храмов, посвященных определенному святому, тем более он был популярен и шире распространен его культ. По тому же критерию установлено различие в степени популярности перечисленных святых. Церквей остальных русских подвижников благочестия в указанное время было сооружено существенно меньше. Значит, из всех русских угодников Божиих названные пятнадцать святых обладали наибольшей популярностью к исходу XVI в.

Это обрисовывает характерную черту русской религиозности, сформировавшуюся в данном столетии. Люди теперь стали полагаться не только на древних общехристианских и «своих» местных святых, а и на этих избранных российских угодников Божиих. Таким образом, определив самых популярных святых, мы как бы заглядываем в сознание людей той эпохи.

По степени популярности названные святые выстраивались в следующем иерархическом порядке. Наибольшей популярностью обладали тогда Борис и Глеб. Им в данном отношении незначительно уступал Сергей Радонежский. Заметно ниже стояли Петр митрополит, Алексей митрополит и Леонтий Ростовский. Еще ниже — Варлаам Хутынский, Кирилл Белозерский, Димитрий Прилуцкий, Зосима и Савватий Соловецкие. И на самой нижней ступени данной иерархии находились Александр Свирский и Феодор Ярославский с сыновьями.

Исходя из сказанного, всех русских святых, почитавшихся в XVI в., можно разделить по степени их тогдашней популярности на три категории: на самых популярных, на пользовавшихся средним уровнем популярности и на мало популярных. Речь в данном случае идет только о популярности в масштабах всей страны, то есть не о сугубо местной, а о той, которая распространилась за пределы регионов, где находились захоронения соответствующих подвижников благочестия. К самым популярным относились одиннадцать названных выше святых — от Бориса и Глеба до Зосимы и Савватия Соловецких. Средней популярностью обладали Александр Свирский и Феодор Ярославский с сыновьями. И мало популярными являлись все остальные многочисленные русские угодники Божии.

Популярность указанных святых на протяжении всего XVI в. не оставалась неизменной. У каждого из них она росла, но с разной скоростью. Быстрее всех расширялась тогда популярность св. Сергия Радонежского. В конце XV — начале XVI в., вероятно, святые Петр митрополит и Леонтий Ростовский превосходили по своей популярности св. Алексея митрополита. Но к концу этого столетия последний по тому же показателю стал с ними вровень. До середины XVI в. преподобные Зосима и Савватий явно уступали по популярности Варлааму Хутынскому, Кириллу Белозерскому и Димитрию Прилуцкому. К концу же этого столетия соловецкие подвижники далеко опередили прилуцкого чудотворца, а к началу XVII в. — Варлаама Хутынского и Кирилла Белозерского.

Перечисленных выше пятнадцать святых почитали московские государи, а также представители почти всех социальных слоев России XVI в.: высшей знати, служилых людей, горожан, монашества, белого духовенства и, частично, крестьянства. Таким образом, культы святых исполняли интегрирующую функцию в российском обществе того времени.

Частично проверить предложенные выше выводы позволяют сочинения иностранцев о России XVI в. В некоторых таких произведениях указано на приверженность русских людей к культам святых, и в качестве особо почитаемых подвижников названы Борис и Глеб, Сергей Радонежский, Петр митрополит и Алексей митрополит. Замечательно, что эти же угодники Божии возглавляют перечень выявленных выше по русским документам самых популярных отечественных подвижников благочестия того времени. Значит, наши выводы в значительной степени подтвердились.

В отличие от всех других русских святых страстотерпцы Борис и Глеб имели особую историю распространения своего культа. Он начал укореняться

на широком пространстве Руси еще в домонгольское время. Данный процесс неуклонно продолжился и в XIII–XVI вв. Рассмотренные выше культы всех остальных подвижников благочестия независимо от своей древности получили действительно широкое распространение только в условиях единого Русского государства конца XV–XVI в. Возникновение этой обширной страны создало условия для популяризации указанных культов. Они же в свою очередь в некоторой степени стали олицетворять данное государство.

За каждым культом, опять-таки кроме культа Бориса и Глеба, стояла в экономическом отношении мощная церковная организация: за культом Сергия Радонежского — Троице-Сергиев монастырь; за культом Петра митрополита — Московская митрополичья кафедра с ее кремлевским Успенским собором; за культом Алексея митрополита — Московский Чудов монастырь; за культом Леонтия Ростовского — Ростовская архиерейская кафедра; за культом Варлаама Хутынского — Новгородский Хутынский монастырь; за культом Кирилла Белозерского — Кирилло-Белозерский монастырь, за культом Зосимы и Савватия — Соловецкий монастырь; за культом Димитрия Прилуцкого — Спасо-Прилуцкий монастырь; за культом Феодора, Давида и Константина — Ярославский Спасский монастырь; за культом Александра Свирского — Александро-Свирский монастырь.

Все эти организации занимались распространением культов «своих» святых. Это требовало вложения значительных материальных и денежных ресурсов, например, расходов на написание многочисленных небольших икон, которые распространялись среди богомольцев. И нельзя не видеть явной взаимосвязи между степенью популярности святого и экономической мощью стоявшей за его культом организации. Иными словами, чем более была богата соответствующая церковная организация, тем большую популярность имел ее святой. Возможно, имела место и обратная связь: расширение популярности святого способствовало увеличению богатства связанной с ним организации.

Наряду с этими организациями наибольшее участие в распространении культов святых принимали московские государи, а также представители монашества, знати и горожан. Гораздо меньшую роль в данном процессе играло крестьянство.

Несмотря на ту или иную распространенность в России рассматриваемых культов максимальная укорененность большинства из них прослеживается в регионах, соседствовавших с центрами, в которых покоились мощи соответствующих подвижников. Именно в этих регионах своих местных святых кроме представителей других социальных слоев особо почитало и крестьянство.

Глава 4. Монастыри как центры почитания русских святых в XV–XVI вв.

Почитание святых являлось важной составной частью религиозной жизни русских монастырей XV–XVI вв. Дошедшие до нас источники обусловили выбор для анализа практик почитания русских святых в следующих 26 монастырях: Антониевом Краснохолмском, Антониевом Сийском, Богоявленском Островском, Иосифо-Волоколамском, Кирилло-Белозерском, Кирилло-Ново-

езерском, Коломенском Голутвинском, Коломенском Спасском, Коломенском Брусневском, Костромском Ипатьевском, Можайском Иоакима и Анны, Можайском Лужецком, Можайском Сретенском, Можайском Борисоглебском, Можайском Петровском, Московском Чудовом, Никольском Корельском, Никольском Коряжемском, Новгородском Свято-Духовском, Троице-Сергиевом, Ферапонтовом, Соловецком, Спасо-Прилуцком, Суздальском Покровском, Тихвинском Успенском, Ярославском Спасском. Далее, кроме специально оговоренных случаев, будут иметься в виду именно эти обители. Они были большими, средними и малыми, располагались в центре страны и на ее окраинах. Это позволяет надеяться, что выводы, сделанные на основании анализа указанных документов, будут достаточно репрезентативными.

Судя по немногим сохранившимся источникам, в первой половине — середине XV в. в монастырях Троице-Сергиевом, Кирилло-Белозерском и Соловецком почитались одни и те же 5–6 святых, к которым в первых двух монастырях добавились «свои» подвижники благочестия. К концу XV в., по крайней мере, в крупнейших монастырях количество почитаемых русских святых увеличилось до 9–12, а в одном случае — до 21. В XVI в. наблюдалось явное увеличение числа почитаемых русских святых во многих монастырях, особенно в самых больших из них. Источники позволили получить более или менее полное представление о составах чтимых подвижников благочестия, сложившихся к концу XVI в., в шести следующих обителях. В московском Чудовом монастыре почитали 66 русских святых, в Троице-Сергиевом — 57, в Иосифо-Волоколамском — 56, Спасо-Прилуцком — 55, в Соловецком — 53, Кирилло-Белозерском — 51. Списки почитаемых святых этих шести монастырей как по числу, так и по составу имен схожи, но не полностью. Часть имен содержится во всех шести списках, часть — в пяти, часть — в четырех, часть — в трех, часть — в двух и часть — в одном из них. В общей сложности во всех названных списках фигурируют 76 святых.

Как видим, с конца XV в. и особенно во второй половине XVI в. в монастырях явно обозначилось устремление почитать всех или большинство прославленных отечественных подвижников благочестия. Но ни в одном из рассмотренных монастырей, даже самых больших, не почитали всех русских угодников Божиих.

В тот же период в монастырях существовал явный разрыв между большим числом русских святых, почитавшихся этикетно или формально, и относительно небольшим пантеоном подвижников благочестия, которым поклонялись особо и считали своими небесными покровителями. Иначе говоря, почитание святых осуществлялось как бы в двух планах. Первый из них был преимущественно формальным: в соответствующие дни праздновалась память святого. Сказанное касалось большей части признанных Церковью русских подвижников благочестия. Второй план соответствовал духовным предпочтениям монахов определенной обители и выражался в более глубоком почитании немногих близких им угодников Божиих. Состав этих избранных святых в каждом монастыре имел свои особенности. Причем отношение к таким подвижникам

благочестия не было одинаковым. По степени почитания они выстраивались в некие неписанные иерархии.

Если в монастыре был «свой» святой, то каким бы статусом он ни обладал за пределами этой обители, в ней его всегда возносили на верхнюю ступень упомянутой иерархии. Например, в Кирилло-Белозерском монастыре таким угодником Божиим являлся Кирилл Белозерский, в Лужецком — Ферапонт Белозерский, в Иосифо-Волоколамском — Иосиф Волоцкий, в Антониевом Сийском — Антоний Сийский. В тех же случаях, когда в монастыре имелись два «своих» святых, то они в подобной иерархии занимали две верхние ступени. Например, в Троице-Сергиевом монастыре на верхней ступени иерархии стоял Сергей Радонежский и ступенью ниже — Никон Радонежский, в Спасо-Прилуцком на верхней ступени — Димитрий Прилуцкий, ступенью ниже — Игнатий Прилуцкий, в Соловецком — на верхней ступени — Зосима Соловецкий, ступенью ниже — Савватий Соловецкий. Попросту говоря, своих святых в монастырях всегда почитали больше, чем любых других подвижников благочестия.

В отношении почитания не своих святых в большинстве монастырей складывались особые предпочтения. Но при внимательном рассмотрении оказывается, что эти предпочтения обуславливались следующими тенденциями. Обычно наиболее почитаемыми русскими святыми в монастырях становились те или иные самые популярные угодники Божии в России XVI в., — такие, как Борис и Глеб, Сергей Радонежский, Петр митрополит, Алексей митрополит, Леонтий Ростовский, Димитрий Прилуцкий, Кирилл Белозерский, Варлаам Хутынский, Зосима и Савватий Соловецкие, Александр Свирский.

Во многих обителях наиболее почитаемым или одним из самых почитаемых русских святых являлся Сергей Радонежский. Широкое распространение в монастырской среде получило почитание московских святых. Как правило, это были митрополиты Петр и Алексей, иногда к ним добавлялись Иона митрополит, а также московские юродивые Иоанн, Максим и Василий Блаженный. Столичных святых особо почитали не только в монастырях, а и во многих городах и селах России XVI в. Следовательно, особый культ московских святых сложился и функционировал в русле одной из ведущих тенденций в религиозной жизни России того времени. В распространенности данного культа угадывается нарастающее доминирование столичного центра Русского государства не только в политической, церковно-административной, а и в сугубо религиозной сфере.

В состав избранных особо почитаемых святых в ряде монастырей включались, кроме упомянутых самых популярных, и подвижники благочестия ближайших к монастырю религиозных центров. То есть в данных обителях полагались на небесное покровительство и общепризнанных, и местных угодников Божиих.

Существовало заметное отличие в количестве почитаемых русских святых в больших и малых монастырях. В этих последних особо почиталось явно меньшее количество святых, чем в больших. В некоторых небольших обителях

сугубое почитание имел только один русский святой.

Глава 5. Практики почитания «своих» святых в монастырях XV–XVI вв.

В данной главе рассматриваются практики почитания «своих» святых, сформировавшиеся преимущественно в следующих восьми монастырях: Троице-Сергиевом, Кирилло-Белозерском, Спасо-Прилуцком, Московском Чудовом, Соловецком, Иосифо-Волоколамском и Антониево-Сийском. Выбор именно этих обителей обусловлен двумя основными причинами. Во-первых, в каждой из них имелись «свои» почитаемые святые — соответственно Сергей и Никон Радонежские, Кирилл Белозерский, Димитрий и Игнатий Прилуцкие, Алексей митрополит, Зосима и Савватий Соловецкие, Иосиф Волоцкий и Антоний Сийский. Во-вторых, от тех же монастырей до нас дошли необходимые для раскрытия избранной темы источники.

Условно все рассмотренные в данной работе практики почитания святых по функциональной принадлежности можно объединить в следующие десять групп, при этом для полноты картины привлечены соответствующие свидетельства житий и других подвижников благочестия.

1. Существовал развитый комплекс практик почитания гробниц святых. Эти практики выражались в поклонении соответствующей гробнице, молитве около нее, прикосновениях к ней, ее целовании, возжигании у нее свечей или лампад, жертвовании возлагавшихся на нее покровов, жертвовании у нее денег, жертвовании икон, помещавшихся над ней, целовании таких икон, отправлении у нее богослужений. В некоторых монастырях практиковались непосредственные контакты с останками святых, находившихся в раках, что вырождалось в прикосновении к мощам и целовании их.

2. Большое значение придавалось визуальной репрезентации культов святых. Одной из основных таких практик являлось оформление мест их упокоения в виде надгробных комплексов, состав которых не был унифицирован. В большинство этих комплексов входили гробница святого, возлагавшийся на нее или на мощи покров, икона святого, иконы Иисуса Христа и Богородицы, один или несколько светильников и кружка для денежных подаяний. Но кроме них почти каждый такой комплекс был обогащен и другими особыми сакральными предметами. Иконы самых значимых святых размещались в максимальном числе храмов и других мест соответствующих монастырей. Изображения святого как бы сопровождали людей, передвигавшихся по обители, и создавали эффект его постоянного присутствия в ней. Цели распространения почитания святых служила практика заказа монастырями их многочисленных небольших икон, которые потом раздавались или продавались богомольцам.

3. Почитание святых как целителей больных выражалось в следующих практиках. Больные молились у гробниц святых, прикасались или прикладывались к этим гробницам, целовали их, целовали икону святого, больных приводили или приносили к тем же гробницам и прикладывали к ним или клали около них. Больных также окропляли святой водой у таких гробниц и давали ее им пить. Во время контакта больных с гробницами нередко клирики специ-

ально совершали молебны или другие богослужения. Мощи святых омывались водой, после чего ее использовали как целительное средство. В частности, такой водой окропляли города во время эпидемий. С именами святых связывали источники и колодцы, воду которых использовали в надежде на исцеление больных.

4. В ряде монастырей практиковалось почитание вещей-реликвий, связывавшихся с именами святых. Как правило такими реликвиями являлись богослужебные книги, ризы и иконы, а также некоторые другие предметы. Так оформились практики мемориализации памяти о «своих» святых.

5. В XV в. начала формироваться, а в следующем столетии стала обычной практика отождествления монастырей со «своими» святыми. Это выражалось, в частности, в том, что, согласно многочисленным актам, представители знати жертвовали свои земли не просто монастырям, а и их святым.

6. Святых почитали как покровителей Русской церкви. Данная практика наиболее определенно осуществлялась во время отправления церковных служб святым.

7. Святые считались важнейшими покровителями московских государей. Это выражалось в следующих практиках. У гробниц святых правители молились перед военными действиями. От лица царей в монастыри рассылались так называемые богомольные грамоты, в которых требовалось, чтобы монахи молили Бога, Богородицу и своих святых о помощи самим царям и их воинству на войне. Церковные иерархи направляли государям на войну послания, в которых призывали им в помощь Бога и святых. Правители молились святым о даровании им наследников. У раб святых государи крестили своих детей. Святые фигурировали в актах как гаранты важных соглашений московских государей с другими представителями знати. В XVI в. оформилась практика доставки из монастырей московским государям святой воды, связывавшейся с днями празднования памяти святых.

8. Практика богомольных походов осуществлялась не только государями, а и представителями знати и других социальных слоев.

9. Практика строительства и последующего функционирования в монастырях церквей, посвященных «своим» святым.

10. В некоторых монастырях в XVI в., кроме перечисленных выше, зафиксированы особые практики почитания «своих» святых, которые иногда усваивались и другими обителями.

В Троице-Сергиевом монастыре в заговенье перед Великим постом все монахи попарно подходили к раке преп. Сергия и целовали его мощи. При торжественных встречах государей у ворот данного монастыря использовалось кадило-реликвия св. Никона.

В московском Чудовом монастыре грамоты, удостоверявшие пожертвование ему земель знатью, перед тем, как попасть в руки представителям этой обители, возлагались на мощи св. Алексея митрополита. Так выражалась идея о передаче определенной собственности самому святителю. В качестве атрибута культа св. Алексея использовался Чудовым монастырем пчелиный мед,

который под названием «чюдотворцов мед» продавался народу «на исцеленье». Его также применяли в борьбе с эпидемиями.

В Кирилло-Белозерском монастыре на службе в праздник св. Кирилла настоятель облачался в ризы этого преподобного. Тогда настоятель обители символизировал самого ее святого основателя.

В Соловецком монастыре вся пища готовилась на огне, который ежедневно брали от гробниц святых Зосимы и Савватия. Считалось, что молитвами этих святых похороненные в монастыре и рядом с ним тела простых смертных получали качество нетленных мощей, и, значит, этим людям обеспечивалось спасение на Страшном суде.

Заключение

В заключении диссертации сформулированы результаты исследования и подведены его итоги. Установлено, что в конце XIV — начале XV в. на Руси начался подъем почитания русских святых, продолжавшийся на протяжении XV–XVI вв. Начиная с середины XV в., данный подъем стала усиливать новая практика использования московскими светскими и церковными властями культов святых с целью защиты интересов государства и Церкви. С 1460-х гг. на усиление и расширение почитания русских святых оказывал влияние процесс образования единого Русского государства.

Московские государи XVI в. являлись одними из самых активных приверженцев и проводников культов русских святых. Это выражалось в покровительстве строительству церквей во имя названных подвижников благочестия, в регулярных богомольных походах к их гробницам, в различных пожертвованиях, как бы предназначенных тем же святым.

Далеко не все культы святых, получившие формально общероссийский статус, обрели в конце XV–XVI в. действительно общероссийское признание и популярность. В России того времени более или менее широко распространилось почитание лишь святых Бориса и Глеба, Сергия Радонежского, Петра митрополита, Алексея митрополита, Леонтия Ростовского, Димитрия Прилуцкого, Кирилла Белозерского, Варлаама Хутынского, Зосимы и Савватия Соловецких, Александра Свирского, Феодора, Давида и Константина Ярославских. Они были популярны тогда во всех слоях русского общества. Наиболее же активными проводниками их культов являлись московские государи, представители знати, монашества и горожан.

На протяжении XV в. и особенно в XVI в. в монастырях происходило увеличение числа почитаемых русских святых. В крупных обителях XVI в. стремились почитать большинство этих подвижников. Но особым признанием в тех же монастырях пользовались лишь немногие из них. Эти избранные святые по степени почитания выстраивались в иерархическом порядке. Если в монастыре имелись «свои» святые, то какими бы статусами они ни обладали за пределами этой обители, в ней они всегда возглавляли данный порядок.

В почитании «своих» святых в монастырях были выработаны многочисленные и разнообразные практики. Они рисуют нам выразительную картину

повседневной религиозной жизни монастырей. Жизни, в которую были включены не только их насельники, но и — многочисленные мирские приверженцы культов упомянутых подвижников, включая и московских государей. В представлении того времени эти практики призваны были помочь решению всех жизненно важных проблем человека Древней Руси.

Список работ, опубликованных автором по теме диссертации:

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК для публикации результатов диссертационных исследований:

1. Защитник Ростова святой Игнатий // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 4 (14). С. 44–45.
2. «Ростовские патерики» конца XV–XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2007. № 3 (29). С. 70–71.
3. Социальные функции ростовских святых в XII–XVII веках // Исторические записки. М.: Наука, 2008. Вып. 11 (129). С. 75–93.
4. Кирилло-Белозерский монастырь как центр почитания русских святых в XVI веке // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2010. Вып. 12. С. 67–72.
5. Монастырские приходо-расходные книги XVI века как источник по истории почитания русских святых // Проблемы источниковедения. М.: Наука, 2010. Вып. 2(13). С. 224–230.
6. Пядничные иконы XVI — начала XVII в. русских святых // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 2 (44) С. 77–88.
7. Самые популярные русские святые XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 3(45). С. 83–84.
8. Русские святые, почитавшиеся в Никольском Коряжемском монастыре во второй половине XVI в. // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 1. Т. 1. (Гуманитарные науки). С. 331–334.
9. Соловецкий монастырь как центр почитания русских святых в середине XV–XVI веках // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2012. № 7 (128). Т. 1. С. 29–32.
10. Иван Грозный и святой Никита Переславский // Родина. 2011. № 12. С. 67–69.
11. Становление культа св. Исаии Ростовского // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 3. Т. 1. (Гуманитарные науки). С. 270–273.
12. Становление культа юродивого Исидора Ростовского // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. 2012. № 4. С. 29–35.
13. Великий князь Василий III и культы русских святых // Ярославский педагогический вестник. Т. I (Гуманитарные науки). 2013. № 4. С. 7–12.
14. «Велико утешение душам нашим приемлем и от сего зело пользуемся...». К вопросу о начале почитания св. Сергия // Родина. 2014. № 5. С. 72–74.
15. Становление культа юродивого Максима Московского // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 2. Т. 1. (Гуманитарные науки). С. 13–17.
16. Практика первоначального утверждения культов русских святых в XV–XVI вв. // Ярославский педагогический вестник. 2014. № 4. Т. 1. (Гуманитарные науки). С. 7–11.

17. Русские святые, почитавшиеся в Иосифо-Волоколамском монастыре в конце XV–XVI в. // Исторические, философские, политические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 8 (58). Ч. 3. С. 137–141.

18. Почитание Сергия Радонежского в русских монастырях XVI в. // Вопросы истории. 2015. № 1. С. 152–156.

19. История распространения культа св. Варлаама Хутынского на Руси в XV–XVI вв. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2016. № 4 (108). С. 136–140.

20. Практика посвящений храмов царем Иваном Грозным во время Ливонской войны // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2022. Т. 16, № 2. С. 224–231.

Другие публикации по теме диссертации:

21. Иконография святых как источник по истории ростовского средневекового регионального самосознания // Историческая антропология: место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. Тезисы докл. М.: Изд. центр РГУ, 1998. С. 161.

22. Иконография ростовских святых: каталог выставки / сост. А. Г. Мельник. Ростов: Гос. музей-заповедник «Ростовский кремль». Ростов, 1998. 80 с.

23. Практика посвящений храмов во имя патрональных великокняжеских и царских святых в XVI веке // Царь и царство в русском общественном сознании. М.: ИРИ РАН, 1999. С. 38–48.

24. Ансамбль Соловецкого монастыря в XV–XVII вв.: История, архитектура, оформление храмовых интерьеров. Ярославль: [Б. и.], 2000. 200 с.

25. К истории почитания ростовского святого Петра царевича в XV – середине XVIII вв. // IX Золотаревские чтения. Материалы научной конференции. Рыбинск: Рыбинское подворье. 2002. С. 95–97.

26. Спасо-Преображенский собор в Ярославле. — М.: Северный паломник, 2002. — 104 с.: ил. (совместно с Е. А. Анкудиновой).

27. Гробница святого в пространстве русского храма XVI — начала XVII века // Восточнохристианские реликвии. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 533–552.

28. К вопросу о времени возникновения «Повести о Петре, царевиче ордынском» // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т. 53. С. 626–627.

29. Житие Иоанна Власатого Милостивого Ростовского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 2004. Вып. 3, ч. 4. С. 388–390.

30. «Ростовские и московские святые»: эволюция иконографии в XVI–XVII вв. // История и культура Ростовской земли. 2003. Ростов: Гос. музей-заповедник «Ростовский кремль», 2004. С. 354–365.

31. Гробницы преподобных Зосимы и Савватия Соловецких в XV–XVI вв. // Соловецкое море. Историко-литературный альманах. Архангельск; М.: Товарищество Северного Мореходства, 2005. Вып. 4. С. 49–54.

32. Представления о жизни преподобного Авраамия Ростовского в конце XV — начале XVI в. // Раннее средневековье глазами Позднего средневековья

и Раннего Нового времени (Центральная, Восточная и Юго-Восточная Европа). Материалы конференции. М.: Индрик, 2006. С. 53–55.

33. К истории почитания преподобных Феодора и Павла, основателей Ростовского Борисоглебского монастыря // XI Золотаревские чтения. Материалы научной конференции. Рыбинск: Рыбинский музей-заповедник, 2006. С. 97–101.

34. Фреска над гробницей преподобных Феодора и Павла в соборе ростовского Борисоглебского монастыря // От средневековья к новому времени. Сб. статей в честь Ольги Андреевны Белобровой. М.: Индрик, 2006. С. 360–364.

35. Почитание преподобных Зосимы и Савватия в Соловецком монастыре в конце XV–XVI вв. // Соловецкое море. Историко-литературный альманах. Архангельск; М.: Товарищество Северного Мореходства, 2009. Вып. 8. С. 78–92.

36. История надгробного комплекса св. Никиты Столпника Переславского // Макариевские чтения. Христианская символика. Можайск: ЗАО Бородино, 2009. Вып. 16. С. 376–385.

37. Почитание св. Сергия Радонежского в Ростовской земле XVI–XVII вв. // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Сергиев Посад: Ремарко, 2009. С. 7–14.

38. «Свои» святые Коломны XVI в. // Коломна и Коломенская земля: история и культура: Сборник статей. Коломна: Лига, 2009. С. 257–265.

39. Почитание русских святых в Можайске в XVI веке // Макариевские чтения. Книжность и Книжники Древней Руси. Можайск: ЗАО Бородино, 2010. Вып. 17. С. 318–324.

40. Распространение почитания святых Зосимы и Савватия Соловецких в России конца XV — начала XVII вв. // Соловецкое море. Историко-литературный альманах. Архангельск; М.: Товарищество Северного Мореходства, 2010. Вып. 9. С. 40–50.

41. О почитании избранных русских святых в Троице-Сергиевом монастыре последней трети XV — первой половине XVI в. // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Сергиев Посад: Ремарко, 2010. С. 15–23.

42. Места погребений избранных подвижников благочестия в русских монастырях XI–XIV вв. // Восточная Европа в древности и средневековье. XXIII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР Владимира Терентьевича Пашуто. Материалы конференции. М.: ИВИ РАН, 2011. С. 185–188.

43. Антониев Сийский монастырь как центр почитания русских святых в XVI в. // Соловецкое море. Историко-литературный альманах. Архангельск; М.: Товарищество Северного Мореходства, 2011. Вып. 10. С. 57–61.

44. Небесные покровители русского воинства в конце XV–XVI вв. // Макариевские чтения. «Воинство земное — воинство небесное». Можайск: Маленький ГОРОД, 2011. Вып. 18. С. 61–68.

45. Драматургия огня в пространстве русских храмов в XVI–XVII вв. // Пространственные иконы. Перформативное в Византии и Древней Руси. М.: Индрик, 2011. С. 443–473.

46. Описи церквей и монастырей как источник по истории почитания рус-

ских святых в XVI — начале XVII в. // Проблемы дипломатики, кодикологии и актовой археологии. Материалы XXIV Международной научной конференции. М.: РГГУ, 2012. С. 400–402.

47. К истории почитания св. Сергия Радонежского в XVI в. // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Сергиев Посад: Ремарко, 2012. С. 23–31.

48. Избранные русские святые, почитавшиеся в Ярославле и Ярославском уезде в XVI в. // XIV Золотаревские чтения. Материалы научной конференции. Рыбинск: Рыбинский музей-заповедник, 2012. С. 196–201.

49. Практика почитания преподобного Иосифа Волоцкого в XVI в. // Вестник истории, литературы, искусства. М.: Собрание, 2012. Т. 8. С. 125–135.

50. Николо-Корельский монастырь и русская святость // Соловецкое море. Историко-литературный альманах. Архангельск; М.: Товарищество Северного Мореходства, 2013. Вып. 12. С. 37–40.

51. Почитание ярославских святых Феодора, Давида и Константина за пределами Ярославля в XVI в. // Макариевские чтения. Священные войны России. Можайск: ООО «ИПК Парето-Принт», 2013. Вып. 20. С. 118–123.

52. «Город юродивых» // Юродивые в русской культуре: Сборник научных статей. М.: Гос. Исторический музей, 2013. С. 140–149.

53. Троице-Сергиев монастырь как центр почитания русских святых во второй половине XVI в. // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Сергиев Посад: Ремарко, 2013. С. 49–55.

54. Огонь в практиках почитания русских святых в XI–XVII веках // Иеротопия огня и света в культуре византийского мира. М.: Феория, 2013. С. 380–393.

55. Практика почитания св. Алексея, митрополита всея Руси, в XVI веке // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Наука, 2014. Т. 62. С. 53–69.

56. Образы русских святых в росписи собора Ярославского Спасского монастыря 1563–1564 гг. // Книжная культура Ярославского края — 2013: Сборник статей и материалов. Ярославль: Изд. бюро «ВНД», 2014. С. 12–20.

57. Социальные функции св. Сергия Радонежского в XV–XVI вв. // Преподобный Сергий, «родом ростовец...»: материалы конференции. Ростов: Гос. музей-заповедник «Ростовский кремль», 2014. С. 67–77.

58. Московские государи как покровители строительства храмов во имя русских святых в XVI веке // Макариевские чтения. Православие и священная государственность. Можайск: ООО «ИПК Парето-Принт», 2014. Вып. 21. С. 293–300.

59. Вода и культы святых на Руси XI–XVII веков // Живоносный источник. Вода в иеротопии и иконографии христианского мира: сборник материалов международного симпозиума. М.: Филигрань, 2014. С. 136–138.

60. Практики почитания св. Сергия Радонежского в Троице-Сергиевом монастыре в XV–XVI вв. // Сообщения Ростовского музея. Ростов: Гос. музей-заповедник «Ростовский кремль», 2014. Вып. 20. С. 5–18.

61. Культы святых в общественной жизни Руси середины — второй половины XV в. // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Наука, 2014. Т. 63.

С. 58–66.

62. Приходо-расходные книги Соловецкого монастыря как источник по истории русской религиозности XVI в. // Вспомогательные исторические дисциплины и источниковедение: современные исследования и перспективы развития. Материалы XXVII Международной научной конференции. Москва, 9–11 апреля 2015 г. М.: РГГУ, 2015. С. 303–305.

63. Жития и службы, посвященные св. Феодору Ярославскому, как источники по истории его почитания в последней трети XV — начале XVI веков // Книжная культура Ярославского края — 2014: сборник статей и материалов. Ярославль: Изд. бюро «ВДН», 2015. С. 5–10.

64. Почитание «своих» святых в Спасо-Прилуцком монастыре в XV–XVI вв. // Ярославский педагогический вестник: научный журнал. 2015. № 3. С. 278–283.

65. Культ святых Бориса и Глеба как социальный феномен в России XVI века // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. М., 2015. № 1. С. 97–107.

66. Акты как источник по истории почитания русских святых в XV–XVI вв. // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXVIII Международной научной конференции. М.: Аквилон, 2016. С. 355–357.

67. История распространения почитания св. Петра митрополита на Руси в XV–XVI веках // Сообщения Ростовского музея. Ростов: Гос. музей-заповедник «Ростовский кремль», 2016. Вып. 21. С. 5–21.

68. Оформление места упокоения св. Сергия Радонежского в XV — начале XVIII в. // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России: духовное служение отечеству. Сергиев Посад: Цветографика, 2016. С. 45–54.

69. Визуальная репрезентация культа святого Кирилла Белозерского в основном им монастыре в XV — начале XVII в. // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Росток, 2016. Т. 64. С. 365–374.

70. История распространения культа св. Леонтия Ростовского в XV–XVI веках // История и культура Ростовской земли. 2015. Ростов: Гос. музей-заповедник «Ростовский кремль», 2016. С. 18–33.

71. Оформление места упокоения преподобного Иосифа Волоцкого в XVI веке // Макариевские чтения. Преподобный Иосиф Волоцкий и Московская Русь. Можайск: ЗАО «Периодика», 2016. Вып. 23. С. 233–242.

72. Монастырские обиходники как источник по истории почитания русских святых в конце XV–XVII вв. // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материала XXIX международной научной конференции. М.: ИВИ РАН, 2017. С. 235–237.

73. Вода в христианских сакральных практиках Древней Руси конца X–XVII веков // Святая вода в иеротопии и иконографии христианского мира. М.: Феория, 2017. С. 496–518.

74. Распространение почитания св. Александра Свирского в России XVI — начала XVII в. // Русская агиография: Исследования. Материалы. Тексты. СПб.:

Пушкинский Дом, 2017. Т. 3. С. 153–158.

75. История распространения культа св. Кирилла Белозерского на Руси XV–XVI вв. // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб.: Росток, 2017. Т. 65. С. 301–310.

76. История распространения культа св. Алексея митрополита в России конца XV–XVI века // Макариевские чтения. Трудники на историческом поприще. Можайск: ООО «Белый Ветер», 2017. Вып. 24. С. 151–161.

77. Сборники служб русским святым конца XV–XVI века // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXXI Международной научной конференции. М.: ИВИ РАН, 2018. С. 258–260.

78. Религиозное влияние Соловецкого монастыря на Руси во второй половине XV–XVI в. // Вопросы истории. 2018. № 7. С. 138–147.

79. Визуальная репрезентация культа св. Сергия Радонежского в русских монастырях XVI – начала XVII в. // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Сергиев Посад: Цветографика, 2018. С. 6–15.

80. Богомолья царя Ивана Грозного // Сообщения Ростовского музея. Ростов: Гос. музей-заповедник «Ростовский кремль», 2018. Вып. 23. С. 61–79.

81. Спасо-Прилуцкий монастырь как центр почитания русских святых в конце XVI века // Макариевские чтения. Судьбы православия и русская революция. Можайск: ИП Кузнецов, 2018. Вып. 25. С. 128–134.

82. Почитание святого Димитрия Прилуцкого. История распространения культа в России конца XV–XVI века // Пространство иконы. Иконография и иеротопия / Сборник статей к 60-ю А. М. Лидова. М.: Феория, 2019. С. 206–214.

83. Житие Авраамия Ростовского и становление культа этого святого // Книжная культура Ярославского края — 2018: сборник статей и материалов. Ярославль: ЯОУНБ им. Н. А. Некрасова, 2019. С. 5–14.

84. Службы русским святым как источник по истории почитания этих подвижников благочестия в XIV–XVII веках // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании. Материалы XXXII Международной научной конференции. М.: ИВИ РАН, 2019. С. 267–270.

85. Костромской Ипатьевский монастырь как центр почитания русских святых в конце XVI века // Макариевские чтения. Героическая оборона Можайска 1617–1618 годов. Можайск: ИП Кузнецов, 2019. Вып. 26. С. 86–91.

86. Практики почитания русских святых в XV–XVI вв. // Одиссей. Человек в истории. Святой и общество: конструирование святости в агиографии и культурной памяти. СПб.: Алетейя, 2019. С. 179–194.

87. Московский Чудов монастырь как центр почитания русских святых в конце XV–XVI в. // Сообщения Ростовского музея. Ростов: Гос. музей-заповедник «Ростовский кремль», 2019. Вып. 24. С. 87–95.

88. Разрядные книги как источник по истории религиозности московских государей XVI – начала XVII в. // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXIII Международной научной

конференции. М.: ИВИ РАН, 2020. С. 274–276.

89. Житие Леонтия Ростовского как источник по истории почитания этого святого в конце XIV–XV веке // Книжная культура Ярославского края — 2019: сборник статей и материалов. Ярославль: ООО ПКФ «СОЮЗ-ПРЕСС», 2020. С. 5–15.

90. Практики почитания св. Никона Радонежского в XV–XVI вв. // Троице-Сергиева лавра в истории, культуре и духовной жизни России. Сергиев Посад: Цветографика, 2020. С. 93–99.

91. Конец XIV — начало XV века в истории Руси — время новаций // Сообщения Ростовского музея. Ростов: Гос. музей-заповедник «Ростовский кремль», 2020. Вып. 25. С. 5–13.

92. Богомолья царей Федора Ивановича и Бориса Годунова // Макариевские чтения. Православная культура в период испытаний и потрясений. Можайск: ИП Костюхина М. В., 2021. Вып. 27. С. 170–181.

93. Подъем почитания русских святых в конце XIV — начале XV в. // Шестые Лихачевские чтения. Международная научная конференция. «Петербургская текстологическая школа: традиции и развитие». Тезисы докл. СПб.: Пушкинский Дом, 2021. С. 78–80.

94. Ростов как центр книжности в последней трети XV в. // Книжные центры Древней Руси. Ростово-Ярославская земля. СПб.: Пушкинский Дом, 2022. С. 3–49.

